

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ).

XVI годъ
изданія.

1910 г. 1 Мая,

№ 9.

Цѣна годового изданія
пять руб., а одного номера
— 25 коп. съ пересылкой.

Адресъ: Г. Владикавказъ, Ре-
дакція Епархіальныхъ вѣдо-
мостей (при Дух. училищѣ).

Официальная часть.

Перемѣны по службѣ.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Ага-
питомъ, Епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ,

Псаломщикъ церкви с. Гизель Борисъ Х а т а е в ъ, согласно
прошенію, уволенъ отъ должности псаломщика—8 апрѣля.

Священникъ Симонъ Мар ко в ъ, состоящій на псалом-
щической вакансіи при церкви с. Малой-Арешевки, освобожденъ
отъ должности псаломщика—16 марта.

Бывшій воспитанникъ Ардонской Миссіонерской Семинаріи
Ермолай Т и т о в ъ, согласно прошенію, назначается сверхштат-
нымъ псаломщикомъ къ церкви ст. Государственной—14 апрѣля.

Псаломщикъ Тибской церкви Парменъ Со х а д з е пере-
мѣщается, согласно прошенію, къ церкви с. Гизель—8 апрѣля.

Высочайшіе приказы.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству
22 марта 1910 г. за № 16 производится, за выслугу лѣтъ, со

старшинствомъ: изъ Коллежскихъ Секретарей въ титулярные совѣтники—столоначальникъ Владикавказской Духовной Консистеріи Христофоръ Никитинъ—съ 1-го ноября 1909 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари регистраторъ Консистеріи Георгій Кожемьякинъ—съ 27 января 1910 г. и въ коллежскіе регистраторы канцелярскій слугитель Консистеріи Николай Шевченко—съ 31 октября 1909 г.

Отъ Правленія Владикавказскаго духовнаго училища.

Приемныя испытанія для поступленія въ приготовительный и первый классы училища для лицъ, желающихъ подвергнуться такому предъ лѣтними каникулами, имѣютъ быть 26—30 мая. Условія приема напечатаны въ № 9-мъ „Епархіальныхъ Вѣд.“ за 1909-й годъ.

Объявленіе.

Экзамены на званіе псаломщика для лицъ, не получившихъ соотвѣтственнаго богословскаго образованія, производятся во Владикавказскомъ Духовномъ училищѣ, съ платою по 3 руб., а на санъ священника и діакона—въ Ардонской Духовной Семинаріи, съ платою 10 и 5 р. за производство экзаменовъ.—Программы продаются въ книжномъ магазинѣ Губанова, во Владикавказѣ, по 10 к. за экземпляръ.

Редакторъ, секретарь Консистеріи Н. И. Булгаковъ.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Къ вопросу объ уничтоженіи вредныхъ народныхъ обычаевъ въ Осетіи.

Врядъ ли есть въ жизни осетинъ вопросъ болѣе серьезный, болѣе острый и болѣе жгучій, чѣмъ вопросъ объ уничтоженіи вредныхъ обычаевъ. Эти вредные обычаи—страшная губительная язва и духовныхъ и матеріальныхъ силъ осетинскаго народнаго организма, и съ ними необходима очень серьезная борьба. Дѣло это великое, и долгъ каждаго честнаго, любящаго свою родину и свою націю, осетина потрудиться по мѣрѣ силъ и способностей на пользу родного народа, тѣмъ болѣе въ настоящій моментъ, когда въ Осетіи изъ-за этихъ злополучныхъ обычаевъ пошли разныя полицейскія строгости. Осетинамъ слѣдуетъ выяснитъ себѣ общими силами этотъ больной вопросъ со всѣхъ сторонъ, чтобы знать, какъ бороться со зломъ. Я въ этой статейкѣ затрону главнымъ образомъ наиболѣе раззорительный осетинскій обычай—хисты и ихъ начало—религіозное воззрѣніе осетинъ на загробный міръ, но думаю найдутся люди, лучше меня понимающіе эти вопросы, и не замедлятъ выступить въ печать для нашего общаго блага.

Корень всѣхъ вообще вредныхъ обычаевъ осетинъ лежитъ въ религіи ихъ, а на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Осетины—христіане только по имени, несмотря на то, что имѣютъ почти въ каждомъ селеніи христіанскіе храмы и священниковъ. Отрывочная пониманія христіанскаго культа перепутались у нихъ съ народными суевѣріями и остатками древняго язычества. Особенно же не привились имъ христіанскія понятія о загробномъ мірѣ.

По ихъ представленію мѣсто вѣчнаго пребыванія покойниковъ мрачное, холодное, гдѣ безпрестанно идегъ снѣгъ. Въ рѣдкіе моменты туда проникаютъ слабые, обманчивые солнечные лучи, теплотой которыхъ пытаются согрѣться покойники, но... увь!.. совершенно напрасно: лучи эти не обладаютъ теплотою.

Всѣ умершіе живутъ въ загробномъ мірѣ отдѣльными семьями, каждый со своими родственниками, такою же жизнью, какую вели на землѣ, подъ главнымъ управленіемъ старика Барастра. Сообразно съ этимъ представленіемъ потребности у мертвыхъ точно такія же, какъ у живыхъ людей: они ошущаютъ холодъ, голодъ, жажду и пр.

Отсюда обычай— устраивать хисты, посвященіе покойникамъ одежды и лошадей, разведеніе костра на могилѣ умершаго въ первые три дня послѣ погребенія. Оттого-то на хистахъ молятся Богу о томъ, чтобы Онъ, Всемогущій, переселилъ приготовленные напитки и кушанья въ пищу покойнику въ загробную жизнь; о томъ, чтобы у покойника была одежда; былъ бы костеръ, около котораго бы онъ грѣлся; имѣлъ-бы лошадь для разъѣздовъ, и такъ далѣе.

Покойникъ, которому его оставшіеся родные не устраивали хистовъ, не посвящали одежды и лошади, не разводили огня на могилѣ, сильно страдаютъ, по понятіямъ осетина, отъ холода, голода, жажды, пѣшей хотьбы и проч.

Осетинской міеологіей о загробной жизни осуждаются почти всѣ грѣхи, кромѣ убійства. Убійство же, наоборотъ, считается завиднымъ достоинствомъ. Убійца (а если онъ живъ, его семья) имѣетъ на томъ свѣтѣ въ холопахъ убитаго человѣка, пока тотъ не будетъ отомщенъ. Здѣсь корень гибельной кровной мести.*).

Зная такой взглядъ осетинъ на ихъ вредные обычаи, совершенно ясно, что тутъ достигнуть карательными мѣрами какихъ-либо положительныхъ результатовъ очень трудно. Напротивъ, можно лишь внести въ среду населенія ненужные раздоры и ожесточеніе.

Если осетинъ убѣжденъ, что его отецъ, мать, братъ, сестра— словомъ, какой-либо близкій его сердцу человѣкъ мучается за гробомъ потому лишь, что онъ не выполнилъ всѣхъ обрядовъ, то, повѣрьте, онъ преодолѣетъ всѣ препятствія, но поступать будетъ по своему. Если осетинъ будетъ вѣрить, что убитый его родственникъ служить въ холопахъ у своего убійцы, то непременно будетъ мстить кровавой местию убійцѣ и его роднымъ.

Правда, въ общей массѣ осетинскаго народа есть огромный процентъ сознательнаго элемента, который отъ всей души желаетъ, чтобы перевелись эти мерзкіе обычаи. Но рѣдко кто имѣетъ мужество исправлять, на примѣръ, хистовъ, если умереть кто-нибудь изъ членовъ его семьи. Наряду съ простымъ осетиномъ хисты справляютъ даже люди съ высшимъ образованіемъ, не говоря ужъ о людяхъ съ среднимъ образованіемъ и о простыхъ понимающихъ осетинахъ. Это потому, что каждый осетинъ, не взирая ни на служебное, ни на общественное положеніе, чувствуетъ давленіе обычая, заставляющее его поступать противъ воли и противъ убѣжденій.

*) Нартовскія сказанія о Батрадзѣ, Урузмагѣ, Сосланѣ и другихъ герояхъ даютъ полную картину религіозныхъ чаяній и упованій осетинъ, если сравнить ихъ содержаніе съ существующими у послѣднихъ обрядами и обычаями.

Если и находятся такія единичныя свѣтлыя личности, которыя не подчиняются въ этомъ отношеніи силѣ традиціи, то и тѣ мучаются нравственно, видя, что ихъ примѣру не только никто не слѣдуетъ, но, наоборотъ, смотрятъ на нихъ какъ на людей, въ чемъ-то провинившихся противъ нормальнаго порядка вещей, и подвергаютъ ихъ всевозможнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ.

Былъ такой случай въ одномъ селеніи. Какъ-то на сходѣ жители пришли къ тому заключенію, что хисты вредны, разорительны, безобразны и ихъ надо уничтожить. Поставили отгнать ихъ приговоромъ. Приговоръ снабдили внушительными карами тому, кто провинится. Случилось, первымъ послѣ этого общественнаго приговора умеръ отецъ старшины. Послѣдній сказалъ своимъ сельчанамъ: „если вы будете справлять хисты вопреки нашему приговору, то разрѣшите и мнѣ выполнить надъ покойнымъ отцомъ всѣ тѣ обряды и обычаи, которые у насъ существуютъ, такъ какъ не желаю подвергать себя насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны васъ-же“. Тѣ отвѣтили старшинѣ, что справлять хистовъ никто не будетъ и въ подтвержденіе своихъ словъ выдали ему подписку на какую-то сумму. Старшина послушался общества и похоронилъ отца безъ хистовъ. Но жители скоро нарушили приговоръ, а надъ старшиною стали подсмѣиваться, что его отецъ „мретъ съ голоду“. Тогда старшина предъявилъ къ обществу искъ на означенную въ подпискѣ сумму. Собрались сельчане и говорятъ своему старшинѣ: «ты жалуешься на насъ и требуешь денегъ за то, что мы пропустили хистъ твоего отца, но изъ-за такого пустяка обижаться на насъ не слѣдуетъ. Устраивай хоть сейчасъ, мы готовы кушать хистъ когда угодно».. Такъ ребячески наивно поступаютъ вездѣ въ Осетіи: учиняютъ приговора, клянутся, что не будутъ справлять хистовъ, а какъ гдѣ покойникъ, смотришь, всѣ опять на хистѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что мѣры административнаго воздѣйствія въ борьбѣ съ вредными обычаями осетинъ будутъ безъ всякой пользы. Такія средства борьбы съ осетинскими обычаями примѣняются не впервые. Они примѣнялись въ Осетіи еще въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда къ услугамъ священниковъ были какія угодно полицейскія мѣры воздѣйствія. Но, какъ мы всѣ знаемъ, они не достигли цѣли. Стало быть, вновь примѣнять въ такомъ дѣлѣ уже испытанныя, но негодныя средства совершенно бесполезно.

Мало помогутъ тутъ и единичныя усилія, и добрые порывы отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ въ ихъ борьбѣ со стихійной, массовой силой нѣтъ союза, сплоченности и солидарности. Тѣ, кому бы тутъ болѣе всего слѣдовало дѣйствовать: осетинскіе священники, учителя, врачи, юри-

сты, студенты, вся, такъ называемая, осетинская „интеллигенція“, остаются постыдно равнодушными въ этомъ великомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ ихъ будущность. До чего мы дѣтски наивны?! Воображаемъ, что насъ избавитъ правительство, а сами остаемся совершенно спокойными зрителями своей собственной гибели. Смѣшно въ самомъ дѣлѣ! Мы, осетины, снаряжаемъ чуть-ли не ежедневно депутаціи изъ всѣхъ селеній къ разнымъ административнымъ лицамъ, добираемся даже до самого намѣстника, клянчимся, просимъ, умоляемъ научить насъ уму-разуму, палкой, всецѣло полагаясь на спасительное дѣйствіе послѣдней. Если выходитъ приказъ администратора «воспретить», и какой нибудь сельскій старшина начинаетъ громить своихъ родичей повѣстками, штрафами и тому подобными средствами, мы въ пустотѣ сердечной думаемъ, что наконецъ то избавимся отъ своихъ злополучныхъ обычаевъ и обрядовъ. Пора, господа, стряхнуть съ себя ложь! Пора поработать на свою собственную пользу. «Палкой ума не вобьешь, а выбьешь», говоритъ мудрая пословица.

Съ надеждой на полицію намъ надобно проститься, какъ-бы это тяжело для насъ не было; остается, стало-быть, надѣяться на свою собственную силу, а этой силы, думаю, у насъ въ Осетіи все-таки найдется, если дѣйствовать сплоченно и умѣло.

Для борьбы съ нашими обычаями нужно немедленно же образовать общество, которое бы объединило и сплотило наши разрозненные усилія и пробудило народную самодѣятельность. Въ составъ этого общества войдутъ лучшіе работники осетинской интеллигенціи, всѣ священники и учителя, а главное сознательный элементъ самого народа, болѣе 50% котораго всѣми фибрами души желаетъ провалиться нашимъ, бессмысленнымъ обычаямъ въ самую безну ада. Если-бы вопреки всякому здравому смыслу осетинская серьезно образованная интеллигенція уклонилась отъ участія въ предполагаемомъ обществѣ, то и тогда работники для такого общества почти готовы. Мы имѣемъ 3-хъ благочинныхъ—это уже цѣлый центральный органъ; болѣе 30 церковныхъ приходовъ, гдѣ учителя со священниками составляютъ отдѣленія главнаго органа... Внѣ всякаго сомнѣнія, что каждое отдѣленіе, при умѣломъ руководствѣ центрального органа, всегда сумѣетъ наберовать въ члены общества челоуѣкъ 60—70 въ приходѣ. А сосчитайте ка, какая эта сила?—Тѣмъ болѣе, это будутъ тѣ люди, которые значать все въ приходѣ.

Препятствій къ организаціи такого общества не встрѣтится и со стороны административныхъ лицъ и учреждений; администрація вѣдь сама борется тутъ, такъ что бояться, что уставъ такого общества не будетъ утвержденъ или отдѣленія будутъ подвергаться преслѣдованіямъ, нѣтъ ни-

какихъ опасеній. Думаю, что администрація края сама охотно будетъ помогать такому обществу.

Итакъ, если мы любимъ себя, свою націю, свою честь и будущность, должны сплотиться во-едино и дѣйствовать. Въ единеніи, вѣдь, сила. Надо только умѣло приняться за дѣло.

Свящ. В. С.

На тюленей.

(Очеркъ изъ жизни каспійскихъ тюленьщиковъ).

Приходь—поселокъ Суеткина Коса.

Каждый годъ болѣе зажиточные ловцы нашего и другихъ селъ и поселковъ, имѣющіе большія «свойскія*») лодки, отправляютъ партію рабочихъ за охотой на тюленя. Обыкновенно для такого промысла имѣютъ большія посуды, тягой до тысячи пудовъ; на нихъ бываетъ отъ 4-хъ до 7 человекъ, включая сюда лодмана**) или корщика***).

Въ мѣсяцѣ ноябрѣ или въ первыхъ числахъ декабря эти лодки снабжаются нужными припасами, какъ-то: хлѣбомъ, — если есть морозы, то въ мороженномъ видѣ, — или въ сухомъ, большими кренделями, которые моряки называютъ „витушками“, сахаромъ, русскимъ и калмыцкимъ чаемъ, картофелемъ, рисомъ или пшеномъ для каши, ржаными сухарями, мясомъ и т. п. На палубу лодки кладутъ ружья, багры, длинные шести, запасной якорь, лѣсъ—градки, пилу, топоръ, рубанокъ, гвозди, скобы, павлю, чунки****); запасаются порохомъ и пистонами, теплой одеждой и постелью—словомъ всѣмъ, что необходимо въ жизни тюленьщика. Нагруженные такимъ образомъ лодки отправляютъ на островъ Старый Чечень, находящійся отъ насъ въ 65 верстахъ. Здѣсь для такихъ лодокъ имѣется чудная пристань, благодаря природному заливу, который занимаетъ довольно большое пространство и отличается значительной глубиной. Со всѣхъ почти морскихъ селъ и астраханскихъ черней*****) стяги-

*) Названіе морскихъ рыбацкихъ судовъ „Свойская“—испорченное „Свейская“ (шведская)—типъ судна, введенный на Каспій Петромъ I.

**) Начальникъ лодки.

***) Помощникъ лодмана—всегда сидитъ на кормѣ или на рулѣ. Иногда бываетъ за лодмана.

****) Чунки—маленькія санки.

*****) „Черни“—берегъ, отъ слова черный, такъ какъ съ моря низкій берегъ Сѣвернаго Каспія виднѣется въ видѣ узенькой черной полоски.

ваются сюда лодки, числомъ до сотни штукъ; на каждой изъ нихъ остается одинъ человекъ для храненія самой посуды и находящагося на ней груза. Въслѣдъ за лодками, около 20 или 26—27 декабря, — словомъ съ появленіемъ въ морѣ льда, отправляютъ и самихъ рабочихъ — тюленобойцовъ. Если ледъ хорошій, толстый, то прямо отъ насъ ѣдутъ въ саняхъ на лошадахъ; если плохой, то по берегу идутъ до Коннаго—Култука, находящагося отъ насъ въ разстояніи 50 верстъ, а оттуда близко и легко перебраться на самый о. Чечень.

Но прежде чѣмъ отправить рабочихъ, каждый домохозяинъ служитъ молебень Спасителю, Божіей Матери, Св. Николаю и Первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу. Надо только посмотрѣть, съ какимъ усердіемъ молятся эти „тюленьщики“; нѣкоторые со слезами на глазахъ и съ глубокими вздохами души. Послѣ окончанія молебнаго пѣнія и напутственнаго пастырскаго слова эти «бойцы» сквозь слезы произносятъ: „батюшка, благословите въ путь!“—Почему такъ именно, съ такимъ возвышенно-религіознымъ настроеніемъ и со слезами молятся эти люди, читатели увидятъ изъ дальнѣйшаго.

Продолжаю.—Изъ храма тюленьщики, ободренные святой молитвой, отправляются къ своимъ хозяевамъ, которые исключительно для нихъ приготавливаютъ хорошій обѣдъ, съ возіаніемъ путевой чарки водки или вина. Въ захолустномъ нашемъ поселкѣ въ это время какъ-бы праздникъ: царившая тишина нарушается, что-то мертвое, давившее сердце, на нѣсколько часовъ оживаетъ. И дѣйствительно, черезъ часъ, черезъ два мы видимъ толпу тюленьщиковъ, идущихъ по улицѣ поселка болѣе веселыми, такъ какъ вино дало знать о себѣ, нѣкоторые съ пѣснями, съ крикомъ, съ шумомъ и съ возгласами: „до свиданія! до свиданія!“—Какъ-бы идутъ на дѣйствительную войну.—Но вотъ прошли улицу,—уже за поселкомъ: „прошайте!—прошайте!“—доносятся издалека голоса, и, наконецъ, совсѣмъ скрылись изъ глазъ. Опять мертвая тишина, безмолвные бугры, да голая степь.

Черезъ сутки или двое они добираются до своего мѣста и тамъ расходятся по своимъ лодкамъ, вступая подъ начальство своего лоцмана, которому вѣряется судно и экипажъ; отъ него-же зависитъ вся будущая судьба. Около 15 января, смотря по времени, весь караванъ лодокъ выходитъ изъ залива и втирается въ морской ледъ. При этомъ они дѣлаютъ такъ, чтобы лодка отъ лодки не отходила далеко; или сговариваются пять—десять лодокъ и идутъ въ одномъ направленіи, поджидая одна другую. Очутившись во льду, тюленьщики себя отдаютъ, какъ говорится, на волю судьбы—Божьяго Провидѣнія: куда несетъ ледъ, туда идутъ и лодки; если ледъ стоитъ, то стоятъ и лодки.

Условіе, далеко не отходить другъ отъ друга, соблюдается очень рѣдко, а большею частью лодки разсыпаются во все стороны, приблизительно версть на 5, на десять; нѣкоторое время лодокъ десять, пятнадцать идутъ вмѣстѣ, а потомъ расходятся. Но съ теченіемъ времени, въ силу перемѣны вѣтровъ лодки то угоняетъ, то причаливаетъ ближе къ берегу. Иныхъ уноситъ подъ Петровскъ, Дербентъ и далѣе. Но всегда тюленьщики стараются прибѣсть къ Магишлаку и Куваламъ*), выйти на глубь, такъ какъ тамъ есть большіе протоки между льдомъ, по которымъ можно ходить и на парусахъ. А какъ только нанесетъ на нихъ ледъ, то они опускаютъ паруса, втираются въ этотъ ледъ, укрѣпляютъ якорь, и лодка, какъ-бы привязанная, носится вмѣстѣ со льдомъ подъ вліяніемъ вѣтровъ и теченія.

Со времени выхода въ открытое море, для тюленьщиковъ начинается совершенно иная жизнь, жизнь тяжелая, полная всякаго рода приключеній и опасностей за свою жизнь. Все время тюленьщики холодаютъ, а подъ частую приходится нѣкоторымъ и голодать. Для воды берутъ болѣе вывѣтрившіеся и поэтому менѣе соленые куски льда. Снѣгу обыкновенно бываетъ мало, да и много съ нимъ возни, такъ что тюленьщики всегда предпочитаютъ такой ледъ. Пища на первыхъ порахъ, пока есть мясо и другіе питательные продукты, бываетъ болѣе или менѣе сносною; но потомъ, когда все выйдетъ, остается одинъ сухой хлѣбъ, да ржаные сухари, которые тюленьщики съ невыразимою болью во рту грызутъ, запивая чернымъ, какъ деготь, кирпичнымъ чаемъ или какой-либо незаурядной похлебкой.

Спать приходится всегда въ одеждѣ, тулупѣ и въ саногачъ. Мыться имъ не удается, „лишь бы глаза отмыть, чтобы глядѣли“, — смѣнять бѣлье — тоже приходится считать роскошью и поэтому у нихъ разводится масса паразитовъ въ бѣльѣ, головѣ, въ платьѣ верхнемъ и т. п. Отъ постоянного-же расчесыванія кожи и грязи являются, конечно, и всякія кожные заботѣванія, а если время не позволяетъ даже выходить изъ трюма, то отъ бездѣлья и неприсыпнаго сна къ нѣкоторымъ легко прививается болѣзнь цынги. Я самъ былъ очевидцемъ въ прошломъ году, какъ съ одной лодки нашего поселка, возвратившейся съ охоты на тюленя, вывезли одного рабочаго, заболѣвшаго цынгой. Такимъ образомъ, тюленьщики въ поискахъ за звѣремъ подвигаются все далѣе и далѣе въ море, втираются въ ледъ и, наконецъ, наталкиваются на тюленя.

Тогда лодку останавливаютъ и укрѣпляютъ якорь. Утромъ наскоро встаютъ и идутъ на промыселъ. Погода, смотришь, хорошая; вездѣ свѣт-

*) Название морскихъ селъ на восточномъ берегу Каспія.

ло, на небѣ ни облачка. Зимнее солнце легко пригрѣваетъ ледь. Кругомъ, вблизи и на далекомъ разстояніи, виднѣются лодки. Тамъ и сямъ идутъ тюленьщики съ ружьями на плечахъ, съ баграми въ рукахъ, за пазухой краюшка хлѣба, а сзади нихъ тащатся санки. Вотъ слышенъ выстрѣлъ, за нимъ другой—это значитъ, напали на звѣря. Радостно бьется сердце тюленьщика—починь, какъ говорится, дороже денегъ. Въ другомъ мѣстѣ видишь, то поднимается, то опускается—напали на цѣлый косякъ тюленей и уже дѣло не до ружья, а прямо съ плеча молотятъ ихъ баграми.

Надо замѣтить, что тюлень въ это время находится на льду, но отъ враговъ у него есть норы, которыя онъ продуваетъ своимъ дыханіемъ. Когда ледъ бываетъ тонкій, то тюлень снизу отъ воды продуваетъ носомъ къ верху лазейку. Потому ледъ сверху намерзаетъ, а тюлень постепенно продуваетъ все вверхъ и вылезаетъ на самый ледъ.

Кромѣ того у него есть всевозможные ходы во льду, какъ у крота въ землѣ. Какъ только увидитъ тюлень челоуѣка, то сейчасъ старается спрятаться въ свою лазейку. Тюленьщики цѣлятся въ него издалека и стараются понасть въ високъ, а иначе его не убьешь. Случается и такъ, что тюленьщики нападаютъ на цѣлый табунъ, тогда, предварительно закрывъ ихъ лазейки, бьютъ чѣмъ попало; а иногда цѣлый гуртъ гонять по направленію къ лодкѣ и тамъ убиваютъ. Убитаго тюленя кладутъ на санки и везутъ на лодку. Въ январѣ мѣсяцѣ стараются больше всего убивать тюлениху-матку, такъ какъ она въ это время бываетъ очень тяжелая, вѣсомъ отъ 2-хъ до 3 пудовъ одного жира. Въ это время дѣтеныши-звѣрьки бываютъ у нея маленькія, питаются однимъ молокомъ. Рассказываютъ, что когда убиваютъ матку, то дѣтеныши ея кричатъ, какъ грудныя дѣти, плачутъ и на глазахъ видны слезы, такъ что становится больно отъ жалости къ нимъ. Маленькихъ звѣрьковъ закономъ строго воспрещается убивать и они остаются, предоставленные сами себѣ, питаются исключительно льдомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ они становятся побольше, и тогда ихъ бьютъ, подъ названіемъ «сиварей»;—вѣсомъ они бываютъ отъ 20 ф. и до 1½ пуда. Такимъ способомъ тюленьщики охотятся на тюленя. Послѣ боя возвращаются на лодки, хорошенько подкрѣпивши себя пищей, засыпаютъ отъ усталости богатырскимъ сномъ, а одного оставляютъ на вахтѣ смотрѣть за лодкой, чтобы предотвратить какую-либо опасность.

На утро, чуть свѣтъ, просыпаются и опять идутъ на бой. На лодкѣ изъ болѣе опытныхъ, или даже самъ лодьянъ, остаются слѣдить какъ за самой посудой (лодкой), такъ и за ушедшими на охоту людьми, чтобы при приближеніи грозящей опасности подать условленный сигналъ. Но не всегда удачно бываетъ для тюленобойцевъ. Частая смѣна вѣтровъ, те-

ченіе, движеніе льдовъ заставляютъ тюленьщиковъ находиться въ болѣе опасномъ положеніи. Можетъ и такъ случиться, что лодка всю зиму проплаваетъ между льдами и придетъ домой пустою; такіе случаи также часты.

Но самой горькой участи подвергаются тюленьщики во время ломки посуды; сожметъ лодку со всѣхъ сторонъ, начнетъ давить въ бока, выворачивать самые шпангаты, или какая-нибудь льдина пробьетъ дыру, образуется течь, лодка начнетъ наполняться водой, то и смотри, что затонетъ. Тогда пойдетъ бѣготня и суета; лоцманъ принимаетъ все мѣры и способы, какъ-бы сохранить посуду, а также и народъ. Первымъ долгомъ спѣшатъ вынести изъ лодки одежду, постель, съѣстные припасы, въ случаѣ, если совершенно затопить лодку, не останется на льду холоднымъ и голоднымъ, такъ какъ еще есть надежда спастись на чужой лодкѣ—это наблюдается частенько и счастье тюленьщиковъ, если нападутъ на другія лодки,—съ хлѣбомъ ихъ каждый приметъ. Но случается и такъ, что сломаетъ совершенно лодку, такъ что ее нельзя никакъ починить или удѣлать, да и народу при всемъ желаніи нельзя никакъ спасти съ. И несчастные становятся жертвою холодной волны.

Ломка лодокъ часто бываетъ при напорѣ льда, котораго тонить къ чернямъ*) сильный вѣтеръ, подъ названіемъ „морякъ“**). Прошлой зимою большую часть времени дулъ этотъ вѣтеръ, вслѣдствіе чего рѣдкая лодка осталась безъ урона; а съ десятокъ лодокъ, по слухамъ, совсѣмъ сломало и затопило; люди большею частью спаслись на другихъ лодкахъ. Бываютъ случаи поломки лодокъ и при верховыхъ ***) вѣтрахъ. Насколько опасенъ бываетъ морякъ для лодокъ, настолько верховый вѣтеръ опасенъ, собственно, для самихъ тюленьщиковъ. Рассказываютъ такіе случаи: пойдутъ люди съ лодки за звѣремъ по льду, верстъ на десять или болѣе, набьютъ тюленя, резутъ; глядишь, подулъ верховый вѣтеръ, сначала рѣдкій, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, загудѣлъ, завылъ, понеслась пурга, сдѣлалось темно, лодку изъ глазъ потеряли, сигнала (стука топоромъ о палубу) не слышно, вотъ, наконецъ, понесло ледъ, передъ самымъ носомъ оторвалась большая льдина и понесло ее вмѣстѣ съ народомъ въ открытое море, на глубину десяти или еще болѣе сажень. А надо замѣтить, что на глубинѣ ледъ самый толстый пропадаетъ вмгъ; его съѣдаетъ волненіе. И вотъ картина: люди несутся на оторвавшейся льдинѣ, которая ежеминутно пропадаетъ. Хорошо нанесетъ ихъ на тюленьщиковъ

*) Черни—берегъ, около котораго бываетъ мелко.

**) Морякъ—юго-восточный вѣтеръ съ моря на берегъ.

***) Верховый вѣтеръ съ берега, сѣверо-западный.

или на большой ледъ, тогда они могутъ еще надѣяться на спасеніе. Но бываетъ и такъ, что носить, носить ихъ по водѣ сутокъ трое и больше, растаетъ ледъ и люди гибнутъ въ пучинѣ морской. Печальна участь и трогательна минута. Видя безвыходное свое положеніе, истомленные отъ голода и страха тюленьщики начинаютъ прощаться между собою; щеки ввали, глаза подкатились подъ лобъ, уста шепчутъ молитву: „Святителю Отче Николае, спаси насъ“. Даже калмыкъ, магометанинъ, и тотъ, стоя на колѣняхъ, взываетъ къ небу: «о, Никола, спаси!»—Льдина становится все меньше и меньше, вотъ, наконецъ, одинъ кусокъ льда, едва устанавливаются ноги; одинъ уже погибъ; его стараются схватить, но тщетно, — послѣднее „прости“, и онъ пошелъ ко дну, за нимъ погреблись и другіе. Но бываетъ и такъ, что одинъ или двое какимъ-нибудь способомъ, вѣроятно, самимъ Божіимъ Провидѣніемъ спасаются—и вотъ они разсказываютъ такія, душу потрясающія, картины.

Тяжела и опасна жизнь тюленьщиковъ, а все горькая нужда, безработица зимой заставляютъ идти бѣдныхъ людей на такой промыселъ. Единственно что ихъ поддерживаетъ—это глубокая вѣра въ Бога, вѣра въ своего неусыпнаго хранителя въ морскихъ пучинахъ, добраго кормчаго во время бурь и вѣтровъ, морского патрона Св. Николая, которому и нагай, калмыкъ, и киргизъ, христіанинъ и нехристъ молятся, вѣрятъ и надѣются. Въ первыхъ числахъ мѣсяца марта лодки съ боя на тюленей возвращаются домой. Та лодка, которая идетъ съ хорошимъ боемъ, вывѣшиваетъ вверху мачтъ флаги и со стрѣльбой подходитъ къ берегу; ей дѣлается салютъ изъ ружей съ берега хозяевами. Бросаютъ якорь, и лодка останавливается; народъ въ бударкѣ*) сѣзжаетъ на берегъ. Опять въ поселкѣ какъ-бы праздникъ, хотя на самомъ дѣлѣ день будничныи. Народъ изъ домовъ весь бѣжитъ на берегъ съ крикомъ и раздающимися голосами: „тюленьщики пришли!—тюленьщики пришли! идемъ скорѣй на берегъ!“—и всѣ бѣгутъ и мчатся на берегъ моря.

Вотъ уже тюленьщики на берегу—чумазы, закопченные, засаленные, утомленные выходятъ они. Всѣ бросаются къ нимъ съ вопросами: „сколько набили? сколько пудовъ?“—Жены спрашиваютъ о здоровьи, посторонній о своихъ мужьяхъ или знакомыхъ.—Вотъ закричали: „лодка идетъ, лодка идетъ!“—опять бѣгутъ всѣ на берегъ—вторая лодка пришла. Черезъ день, черезъ два или недѣлю пристають всѣ лодки, кто съ тюленемъ, кто безъ боя. Хозяева опять подносятъ имъ чарку вина и цѣлый день или два видишь выпившихъ тюленьщиковъ, бродящихъ по улицѣ поселка.

*) Бударка--лодка, на которой ловятъ съ берега, т. е. ѣздятъ съ берега на снасти или сѣти.

Радостно бьется ихъ сердце, теперь они въ своей палестинѣ, между дорогими родными и знакомыми; ихъ окружаютъ не вода и снѣжные бугры и льды, а нѣжно любящая жена и дѣтишки. Предъ первымъ же праздникомъ или воскресеньемъ тюленьчики идутъ въ баню, омоются отъ грязи, сала и всякой нечистоты. Въ воскресенье всѣ въ церкви; нѣкоторые приносятъ жертву въ церковь на украшеніе деньгами, иные масло для лампадъ; всѣ стоятъ и усердно молятся, благодарятъ Господа Бога за великія Его благодѣянія къ нимъ. Предъ многими иконами, а въ особенности предъ иконою Св. Николая видишь рублевые свѣчи—это чистая жертва тюленьчиковъ и ихъ хозяевъ. Тѣ хозяева, у которыхъ хорошій бой, иногда жертвуютъ цѣлыя иконы въ свой храмъ.

Тюленя отвозятъ въ Астрахань, тамъ его продаютъ отъ 1 р. и до 3 р. за пудъ. Приѣзжаютъ домой, начинается весенній ловъ рыбы—и опять пойдетъ своимъ чередомъ прежняя жизнь среди песчаныхъ и мертвыхъ бугровъ, съ одной стороны окруженный моремъ, а съ другой соланчаковой стѣнью, на которой все мертво и сухо. Да, непривѣтлив и угрюмъ бѣдный и жалкій Касій.

Свящ. С. Васильевъ.

Памяти преосв. Иоанна, епископа Пермскаго и Соликамскаго.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ паломника).

„Станція Даркохская!“—возглашаетъ кондукторъ. Мы проѣзжаемъ вблизи Ардона. И мысль моя невольно витаетъ около личности человѣка, который вмѣстѣ съ нами жилъ, среди насъ дѣйствовалъ, но который уже оставилъ насъ, и тѣло котораго спитъ подъ сводами кафедральнаго собора г. Перми. Я говорю о преос. Иоаннѣ, епископѣ Пермскомъ и Соликамскомъ. Въ раннюю пору жизни, когда по человѣческимъ предположеніямъ ему бы только жить и дѣйствовать, оставилъ онъ землю и отошелъ на вѣчный покой. Его-то памяти я и намѣренъ посвятить эти нѣсколько скудныхъ строкъ.

Есть лица, имена которыхъ такъ тѣсно связаны съ извѣстными учрежденіями, что, называя одно, нельзя представить его себѣ безъ другого. Таковъ и былъ преосв. Иоаннъ Ардонъ и о. Иоаннъ—это было что-то безраздѣльное, одно другого дополняющее, одно безъ другого немыслимое. И въ самомъ дѣлѣ: отдавъ свои лучшія силы и лучшіе годы для Ардона, преос. Иоаннъ связалъ съ нимъ свое имя такими тѣсными узами, какими связано имя извѣстнаго архимандрита Макарія съ основанною имъ алтайскою миссіею. Только люди, беззавѣтно отдавшіеся избранному ими дѣлу, могутъ достигнуть и достигаютъ такихъ блестя-

шихъ результатовъ, какіе были достигнуты обоими этими лицами. Какъ о. Макарію алтайская миссія обязана все́мъ, такъ и Ардонская Семинарія, только благодаря о. Іоанну, есть, еже есть. Нужна была громадная сила воли, необходимъ громадный запасъ такта и ума, всесторонней опытности, а главное—беззавѣтной любви къ дѣлу, чтобы изъ низшаго поселенскаго училища возвести порученное ему заведеніе на степень Семинаріи, сообщивъ ей желательное внутреннее и внѣшнее благоустройство. И о. Іоаннъ сдѣлалъ это. Будущему историку Ардонской Семинаріи будетъ предлежать задача выяснить обществу, какъ велики заслуги о. Іоанна въ этомъ отношеніи. При извѣстной воспріимчивости и впечатлительности своей, онъ не могъ, конечно, не терзаться душою и сердцемъ, встрѣчаясь съ различнаго рода препятствіями къ осуществленію своихъ плановъ и предпріятій, въ пользѣ и цѣлесообразности которыхъ онъ былъ глубоко убѣжденъ. Желѣзная воля его превозмогла все: онъ сжился съ своею Семинаріею, полюбилъ ее до такой степени горячо и беззавѣтно, что не допускалъ даже мысли о возможности перемѣщенія своего на другое мѣсто служенія. И тѣмъ неожиданнѣе для него былъ указъ Св. Синода о бытіи ему епископомъ чебоксарскимъ, вторымъ викаріемъ Казанской епархіи. Изъ рукъ его бралось живое любимое дѣло и вмѣсто него давалось дѣло не настолько обширное и не такъ ему симпатичное, ибо онъ зналъ, какъ стѣснены викаріи во всей своей самостоятельной дѣятельности и какъ узокъ раіонъ ихъ дѣятельности. Епископство не радовало его, а послужило для него, говорятъ, первою причиною болѣзни, сведшей его такъ рано въ могилу. Рассказываютъ, что при полученіи извѣстія о своемъ назначеніи онъ былъ страшно пораженъ. Цѣлыхъ трое сутокъ неподвижно сидѣлъ онъ въ креслѣ, не будучи въ силахъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, и только непрерывно текушія слезы, едва онъ взглянетъ на зданія Семинаріи, свидѣтельствовали, какъ онъ доволенъ своимъ назначеніемъ и открывавшимся ему новымъ высшимъ саномъ епископа. Отсюда станетъ понятнымъ и то, каково было его прощаніе съ Семинаріею, гдѣ онъ оставлялъ и душу и сердце свое, и то, какъ прощалась съ нимъ семинарія.

Я живо помню тотъ мартовскій день 1899 года, когда въ св. алтарь кафедральнаго казанскаго Благовѣщенскаго собора, переполненнаго до ужасающей тѣсноты народомъ, собравшимся на нареченіе будущаго епископа чебоксарскаго, вошелъ о. Іоаннъ съ подписаннымъ имъ листомъ архіерейской присяги. Мертвенная блѣдность покрывала его выразительное лицо. Но совершилось то, что должно было совершиться: преосвященными—казанскимъ Арсеніемъ, самарскимъ—Гуриемъ, симбирскимъ Никандромъ и чистопольскимъ—Антоніемъ въ томъ же соборѣ соверше-

15 апрѣля, божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ съ посвященіемъ во пресвитера перодіакона Полюена. Послѣ литургіи совершенъ былъ на была хиротонія о. Иоанна во епископа. Какъ одиноко чувствовалъ себя новый преосвященный въ Казани на первыхъ порахъ своего тамъ пребыванія, видно изъ того, что онъ пригласилъ состоявшаго въ числѣ братства Раифской пустыни игумена Сергія (знакомаго ему по Пскову погостить у себя нѣсколько недѣль, чтобы въ живой съ нимъ бесѣдѣ провести нѣкоторое время.

Далѣе душевному моему взору предносится вечеръ воскреснаго дня св. четыредесятицы того же года. Въ Спасскомъ монастырѣ г. Казани скоро начнется вечерня и послѣ нея—акаѳистъ св. Варсонофію. Храмъ переполненъ богомольцами, пришедшими взглянуть на новаго епископа и помолиться вмѣстѣ съ нимъ святителю. Въ вечернемъ сумракѣ соборъ монастырскій блистаетъ праздничнымъ освѣщеніемъ. Радостный трезвонъ возвѣщаетъ о прибытіи архипастыря, встрѣченнаго «со славою». Отсюда начинаются частыя его богослуженія въ Казанскихъ храмахъ, снискавшія преосвященному уваженіе гражданъ.

Не радовалъ его только Кизическій монастырь, ввѣренный его управленію. Скучный средствами содержанія, крайне неблагоустроенный, малолюдный—онъ былъ предметомъ заботъ и вмѣстѣ скорбію владыки. Самое помѣщеніе преосвященнаго оставляло желать многихъ улучшеній, произвести которыя было положительно не на что. Сравнительная отдаленность монастыря отъ города заставляла преосв. Иоанна, особенно во время разлива р. Казанки, ѣздить въ городъ на простомъ извозчикѣ по грязнѣйшей и тряской мостовой кизической слободки для служенія въ соборахъ и другихъ церквахъ. Пробовалъ было онъ ближе сойтись съ своею братією, присутствуя на спѣвкахъ монастырскаго хора и становясь на клирость, когда не служилъ,—но мало успѣлъ въ этомъ. И вездѣ, и всегда вспоминался ему Ардонъ съ его дорогими воспитанниками. Когда состоялось его перемѣщеніе на пермскую кафедру, преосв. Иоаннъ вздохнулъ свободнѣе: теперь для него открывалась возможность личной инициативы; но силы его уже были подорваны злымъ недугомъ. Онъ не долго горѣлъ на свѣщникѣ пермской церкви: елей въ жизненной лампадѣ догорѣлъ и—лампада потухла!

Да упокоитъ Господь душу раба Своего—преосв. епископа Иоанна съ праведными!

А. Воскресенскій.

Извѣстія и замѣтки.

Архіерейскія служенія. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Агапий, Епископъ Владикавказскій и Моздокскій, во второй половинѣ апрѣля изволилъ совершить: на Страстной недѣлѣ въ Великій четвергъ,

чинъ омовенія ногъ, въ сослуженіи 12 священниковъ. Вечеромъ—послѣ дованіе страстей Господа нашего Иисуса Христа съ чтеніемъ 12 евангелій. —Въ пятницу, 16 апрѣля, служба вечерни въ 2 часа дня началась въ Крестовой церкви и отсюда послѣдоваль выносъ плащаницы съ крестнымъ ходомъ въ соборъ, гдѣ служба и закончена съ повечеріемъ. Прекрасную проповѣдь предъ плащаницей произнесъ священникъ І. Полянский. Въ субботу, 17 апрѣля, утренняя въ 4 час. (почти до 8 час.) и литургія въ 10 час. (до 3 час.) совершены Его Преосвященствомъ также въ соборѣ съ посвященіемъ во іеромонаха іеродіакона Второавонскаго монаха Филарета; при чемъ по окончаніи литургіи было совершено Его Преосвященствомъ раздаяніе пяти хлѣбовъ съ виномъ.

На Св. Пасху, въ свѣтлый и великій праздникъ Воскресенія Христова, 18 апрѣля, утренняя и литургія совершены Его Преосвященствомъ въ кафедральномъ соборѣ. Служба закончилась около 5 час. Вечерню съ утреней въ тотъ же первый день и литургію на второй день Преосвященный Владыка изволилъ совершить также въ кафедральномъ соборѣ. Въ третій день св. Пасхи, 20 апрѣля, литургія, а накануне—всенощное бдѣніе совершены Его Преосвященствомъ въ крестовой церкви. 23 апрѣля, въ день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, и 25 апрѣля, въ воскресенье, литургіи совершены въ кафедральномъ соборѣ.

Отъѣздъ Его Преосвященства. 28 апрѣля, съ вечернимъ поѣздомъ, въ половинѣ 9-го часа отбылъ изъ Владикавказа по желѣзной дорогѣ для обозрѣнія церквей Кизлярскаго отдѣла Преосвященнѣйшій Агапигъ, Епископъ Владикавказскій, которому предъ тѣмъ совершень былъ въ крестовой церкви соборно напутственный молебенъ ректоромъ Семинаріи, архимандритомъ Героеемъ. Проводить Преосвященнаго на вокзалъ собрались многіе изъ городского духовенства и представители епархіальныхъ учреждений.

СОДЕРЖАНІЕ *Часть оффиціальная.*—Перемѣны по службѣ—Высочайшія приказы.—Отъ Правленія Духовнаго училища.—Объявленіе.

Часть неоффиціальная.—Къ вопросу объ уничтоженіи вредныхъ народныхъ обычаевъ въ Осетіи, свящ. В. С. На туленей, свящ. А. Васильева.—Памяти преосв. Іоанна, епископа Пермскаго и Соликамскаго, А. Воскресенскаго.—Извѣстія.

Редакторъ Смотритель Духовнаго училища Н. ЧЕРНАВСКИЙ.

Печат. разрѣш. 30 апрѣля 1910 г. Владикавказъ. Цензоръ протоіерей К. Александровъ.

Владикавказъ, Элект.-Типогр. С. П. К. Григорьева.